

Школа философствования

НАЧАЛА ФИЛОСОФИИ* Раздел V. Философия истории Глава 15. Россия в меняющемся мире § 28. Образ России

Б.В. МАРКОВ

Среди участников дискуссий о путях развития новой России одни видят выход в обращении к традициям древности, в усилении религиозного воспитания, в возрождении духовного и культурного наследия, на базе которого станет возможным восстановление солидарности людей и сплоченности общества. Другие, наоборот, считают выходом из кризиса ускоренное развитие цивилизационного процесса, глобализацию и вестернизацию, а также развитие современных технологий, снижающих техногенную нагрузку на природу. Сравнивая прошлое и настоящее, можно попытаться «инвентаризировать» как приобретения, так и утраты прогресса. Конечно, в истории любого народа было много такого, что сегодня кажется «ужасным» и не подлежащим «возрождению». Вместе с тем культура наших предков, основанная на интенсификации внутреннего чувства стыда, обходилась без дорогостоящего аппарата внешнего насилия и была при этом более эффективной в деле воспитания социально и морально ответственной личности. Точно также их системы хозяйства, управления и безопасности населения были, с современной точки зрения, может быть, «неэкономными», однако весьма устойчивыми и не приводили к постоянным экономическим, экологическим и политическим кризисам. Думается, что современность должна найти способ применения традиционных хозяйственных и культурных механизмов на основе новых технологий. Поэтому исследование и усвоение культурного капитала окажется полезным политикам, экономистам, а также тем, кто отвечает за создание здоровой окружающей среды, обеспечивающей комфорт и безопасность. Традиционные проекты и программы возрождения России должны измениться под действием некоего парадоксального усилия – преобразовать ее без революций и войн, построить новое общество, не питаясь ненавистью к старому, а сохранив память и ответственность по отношению к прошлому.

§ 28. Образ России

Что означают загадочные слова Гютчева «Умом Россию не понять...», почему они до сих пор волнуют нас, какое задание несут в себе? Чувствуем ли мы ответственность за Россию, готовы ли и способны ли

* Продолжаем публикацию материалов учебника «Начала философии», подготовленного коллективом петербургских авторов (см.: Философские науки. 2010. № 5 – 12; 2011. № 1 – 10; 2012. № 5, 6, 8, 11, 12; 2013. № 2).

нести на своих плечах столь тяжкий груз? Для начала надо бы определиться с тем, что такое для нас Россия. На самом деле, ни одну страну, ни один народ невозможно охватить рациональной, т.е. учитывающей только понятия и идеи, концепцией. Любое человеческое поселение, этнос издавна отличались от других не столько понятиями, сколько образом жизни и обычаями, а также внешним видом, одеждой, речью, напевами и мифами, структурой питания. И как бы ни стирали эти различия влияния высоких культур, мировых империй и глобализации, они остаются, и не только в исторической памяти, но и в повседневном сознании.

Человек вырастает и формируется в искусственных условиях, которые задают родители и родственники, дом и школа. То, что мы называем Россией, это тоже продукт технологий, как хозяйственных, так и культурных. Искусственная теплица, в которой вырастает человек, — это не только дом и родина, но и символическая система, обеспечивающая идентичность и защищающая от чужих влияний. В описаниях теоретиков государства единство его граждан, как правило, понималось политически и идеологически. Идеологическая солидарность оказалась достаточно непрочной иммунной системой. Она подверглась внутренней эрозии, ибо ее разрушала критически настроенная интеллигенция. Что можно сделать для восстановления символической оболочки общества? Строить ее заново? Но из чего и как? Думается, что в качестве «строительного материала» должны быть использованы как традиционные, так и новые технологии. Прежде всего, дискурсы о месте обитания человека имеют важное иммунное значение. Мифы и сказания наших предков играли, прежде всего, защитную роль. Они строились как радостная песня, исполняемый на своем языке гимн, в котором восхвалялась родная земля, населявший ее народ и их героизм-защитники. Нельзя отрицать право людей жить в такой атмосфере, которая наполнена родными лицами, звуками и даже запахами. При этом каждый народ имеет право гордиться своим образом жизни, языком, культурой и историей.

Действительно важный и трудный вопрос состоит в том, как в конкуренции с другими народами можно доказывать преимущества собственной культуры. Определив дискурс о России как символическую иммунную систему, оберегающую свое от поглощения чужим и осознав его изначальное назначение, можно поставить вопрос об отношении к другому и даже чужому. Надо сказать, что чем назойливее сегодня ставится и обсуждается этот вопрос, чем больше говорится о толерантности и признании другого, тем сильнее подозрение, что другой попросту исчез, растворился в дискурсе либеральных экономистов, для которых человек выступает как набор азбучных истин, касающихся общечеловеческой этики и глобальной экономики. Грубо говоря, арабы, китайцы, русские и прочие народы для них — всего лишь недоразвитые европейцы. Именно под прикрытием образа «мирного дикаря», созданного еще в эпоху колонизации, и развились современные формы ксенофобии, доходящие до терроризма слабых, с одной стороны, и военной интервенции сильных — с другой.

В генетической памяти человека заложен стресс, выражающий страх перед враждебными силами, способными проникнуть в святая святых любого человеческого поселения – в пространство матери, окруженной детьми. Но далеко не все внешние воздействия оказываются опасными и тем более разрушительными для организма. Примером могут служить так называемые «детские болезни», которые есть не что иное, как выработка иммунитета по отношению к чужому. Не только телесные болезни, но и душевные обиды не обязательно становятся ужасными травмами, навсегда разрушающими психику человека. Наоборот, именно благодаря способности переносить, понимать и прощать негативные воздействия, и созревает прочная оболочка нарциссизма, обеспечивающая взаимодействие с внешней средой.

Ослаблению иммунной системы способствовали и зараженные индивидуализмом интеллектуалы XX столетия, которые занялись критикой коллективных ценностей, ибо в наше время они уже не согревают сердца людей. Парадоксально, что, не веря в Бога, не любя Родину и не уважая самих себя, они продолжают мечтать о единстве. Примером тому являются разговоры о русской идее. Казалось, после распада СССР у России больше нет исторической миссии. Сегодня мы интересны для других стран в основном как источники сырья. Поэтому, помимо восстановления промышленности, нужно развивать собственный символический капитал. Необходима такая «русская идея», которая будет привлекательна как для нас самих, так и для наших соседей. Очевидно, что либеральное общество уже не является идеалом. Современные технологии позволяют думать о новых моделях. Социальная реальность, которая нас окружает, может быть совершенно иной. Вполне можно обойтись без ненужного производства, без войн и конфликтов, без беззастенчивых дельцов и коррумпированных чиновников, безответственных интеллектуалов и выражающих свои комплексы художников. Зачем прогресс, если он нацелен на удовлетворение порока?!

Россия не может быть догоняющей Запад цивилизацией еще и потому, что она для этого слишком велика. Мы всегда медленно искали и прокладывали свой путь. В нашей истории накоплен как негативный, так и позитивный опыт, о котором нельзя забывать. Наши предки вовсе не были жестокими варварами. Они добились впечатляющих успехов потому, что старый порядок объединял их, будто звенья единой цепи. Они протестовали и бунтовали, когда власть делала общество холодным, а человека бездомным. Но сегодня мы апатично наблюдаем за распадом общественной ткани. Оглянитесь вокруг себя, где сегодня существует общество. Если кто-то зовет на помощь, никто не спешит помочь. Наша страна, государство перестали быть родиной, которую защищают преданно и безрассудно. Это вызвано тем, что социосфера становится все более холодной и бездушной, не вызывающей патриотических чувств. Как известно из истории, бюрократическое государство – и примером тому является «кнуто-германская империя» Бисмарка – существует до тех пор, пока не развалится изнутри, после чего становится добычей более «пассионарных» соседей.

Парадоксы российского самосознания

Попытки модернизации и реформирования России предпринимались постоянно, и с XVII столетия они определяются противоборством с Западом. Можно сформулировать некоторые аксиомы, первая из которых состоит в парадоксальности, не поддающейся формальному аналогизирующему мышлению, стратегии реформирования и контрреформирования. Уже Петр I — и в этом состоит его заслуга — понял, что Россия не может развиваться, замкнувшись в своей самобытности, но отвечая на вызов другого, она не должна уподобиться ему. Чтобы сохраниться, она вынуждена отказываться от самой себя, а, воспринимая другое, она превращает его в свое. Вторая аксиома касается столь же парадоксальной игры индивидуальной свободы и государственной власти. Неверно одностороннее мнение о том, что Россия — страна рабов, или что русские — самый безвластный и свободолюбивый народ в мире. Скорее, верно утверждение Бердяева о том, что русские — самый безвластный народ — создали самое могущественное государство в мире. Это не государство номадов, которое оставалось территорией сбора дани: хотя налоги в нашей стране взимаются почти так же, как во времена Золотой Орды, все-таки российское государство есть не только совокупность плохо функционирующих, построенных по европейскому образцу учреждений, но еще и форма нравственной солидарности людей. Этот парадокс остается на уровне права и экономики. С законностью у русских всегда были сложные отношения, и Герцен отмечал, что законы нарушаются там и тогда, где это можно сделать безнаказанно. Неуважение к законам, воровство и отлынивание от работы считаются чуть ли не врожденными чертами российского человека, хотя на самом деле существуют социально-исторические факторы, ответственные за производство и воспроизводство отмеченных особенностей российского менталитета. По мнению западных наблюдателей, русские люди действуют чаще всего по необходимости, но иногда — по велению сердца. Русский человек охотно помогает другим, является коллективистом. В противоположность стремлению европейцев к порядку и честности, нам, наоборот, приписывается лукавство и юмор. На самом деле лень, необязательность и неисполнительность русского человека во многом определяются суровой природой, жесткой властью и технической отсталостью. И как только заработали суды, люди стали обращаться туда, вместо того чтобы разбираться «по понятиям», т.е. силой.

Не менее сложны отношения власти и свободы. Парадоксально с точки зрения модели свободной рыночной экономики то обстоятельство, что в России, вслед за ослаблением роли государства, резко падали экономические показатели и страна испытывала очередное военное поражение. Для введения свобод, строго говоря, нет иных аргументов, кроме как либерально-демократических. Но навязывание сверху таких свобод не удовлетворяло народ. Анархия наступала там и тогда, где и когда ослабевал контроль государства. Крепостной крестьянин работал лучше, чем свободный. Рабочие, и даже интеллектуалы, давали большую производительность труда под присмотром мастера и начальника, чем если бы они были предоставлены самим себе. Конечно, на это легко возразить, ссылаясь на описания свободного труда в художественной

литературе, которые, по-видимому, достаточно адекватно передают самоощущение творческого человека. Однако роль государства в России проявляется в организации не только производственно процесса, но и сферы использования и потребления произведенных продуктов. Даже если допустить, что нынешние свободные предприниматели проявляют чудеса активности, то не меньшую сноровку они обнаруживают, когда дело доходит до уклонения от уплаты налогов. Без координирующей, «руководящей и направляющей» руки государства человек не способен осуществить действия, которые окажутся необходимыми с учетом дальнейших долгосрочных последствий. Именно русский человек настолько свободен и автономен, что он недалек от эгоистичен. Но это не есть некая недостаточность генетики русского человека, а есть психологическое следствие проживания под сенью государства, вмешивающегося чуть ли не во все сферы деятельности. Отсюда можно сделать вывод, что существование и развитие России не укладывается в рамки обычной, аналогизирующей логики, и эффективная политика должна каким-то образом разрешать парадокс свободы и власти. Проблема в том, что ослабление государственного регулирования снижает экономический и военный потенциал, а его усиление подавляет свободу и ответственность. Поэтому всегда приходится отыскивать устойчивое равновесие между ними, и только в этом случае можно добиться положительного баланса на стороне свободы. Но как это сделать, если чиновник, как функционер системы, нуждается не в творческой, самостоятельной личности подвластных, а в бездушных автоматах, исполняющих, как и он сам, заданную программу. Управленцы и работники должны переступить через самих себя. Сегодня эгоизм богатых, не желающих помогать бедным, эгоизм частных предпринимателей, не уплачивающих налоги, не исполняющих обязанности перед государством, может обернуться угрозой их собственному существованию.

Наконец, еще одна аксиома-парадокс состоит в том, как Россия соединяет особенное и универсальное. Согласно утверждению ранних славянофилов, будучи самобытной формой культуры, Россия претендует на ведущую роль среди других народов. Поскольку любая страна, и даже каждый ее житель, претендует на то, чтобы быть носителем всеобщего, постольку такое убеждение нередко приводит к конфликтам. Прежде всего, следует подвергнуть критике фундаментализм и призвать к уважению и иным формам признания другого. Хотя колониальная политика не характерна для России (экспансия которой отличается от европейской колонизации, связанной с насильственным обращением на путь цивилизации), распад СССР настораживает в том смысле, что славянофильское описание процесса консолидации России уже не соответствует реальности. Единство разных народов на территории России было достигнуто при помощи государства. Именно отказ от его регулирующей и координирующей функций и привел к «параду суверенитетов». По-видимому, новые процессы интеграции должны учитывать как экономические, так и культурные взаимосвязи народов, проживающих на территории бывшего СССР.

Поиски национальной идеи оказываются вовсе не спекулятивным занятием. В этом отношении весьма интересны модели наблюдательных

и вдумчивых историков, которые смогли выйти за рамки дихотомий «Россия и Европа», «царь и народ», «капитализм и социализм» и увидеть в обществе другие жизнеспособные силы, обеспечивающие его стабильность и процветание. Важное достижение исторического процесса – появление институтов семьи и религии, а также управления. Современная история протекала на фоне эволюции институтов государства, права, экономики, науки и образования. Этот процесс нашел отражение в различных моделях исторического процесса. Одна из них принадлежит *Огюсту Конту*, который выделял три стадии истории: теологическую, метафизическую и позитивную. При этом интеллектуальную эволюцию Конт считал преобладающим началом, дающим импульс развития низшим ступеням. Теологической стадии присущи военная организация общества и соответствующие ей мораль, искусство и социальный строй. Позитивная стадия, по его мнению, наступает в результате развития промышленности, которое накладывает свой отпечаток на все остальные общественные сферы. Заметим, что схема исторического развития Конта имела универсальный характер и не учитывала локального характера культур.

На это обстоятельство обратил внимание русский историк, социолог и философ Н.Я. Данилевский, который считал теорию трех периодов (древний, средний и новый) единой всемирной истории несостоятельной. Им была предложена новая группировка исторических явлений по *культурно-историческим типам*: египетский, китайский, ассирийско-вавилонский (или древнесемитский), индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, арабийский, европейский. Каждый самобытный культурно-исторический тип образован семейством племен, характеризующихся отдельным языком, или их группой, и общей цивилизационной основой. Он писал: «Главный поток всемирной истории начинается двумя источниками на берегах древнего Нила. Один небесный, божественный, через Иерусалим и Царьград достигает в невозмущенной чистоте до Киева и Москвы; другой – земной, человеческий, в свою очередь дробящийся на два главные русла: культуры и политики, течет мимо Афин, Александрии, Рима в страны Европы, временно иссякая, но опять обогащаясь новыми, все более обильными водами. На Русской земле пробивается новый ключ справедливо обеспечивающего народные массы общественно-экономического устройства»¹. В схеме Данилевского были отражены главные тенденции социальной эволюции.

Любая культурная самобытность может быть осуществлена в условиях демократии и свободы. Эти начала развивались в социальной жизни не только Европы, но и России. На это обратил особое внимание П.Н. Милюков, удачно синтезировавший модели русских и европейских историков. Он выделил следующие необходимые предпосылки развития культуры: физические и демографические условия, хозяйство, социальный строй, государство, право, политика, культура. Касаясь вопроса о специфике исторического развития России, Милюков писал: «С социологической ли точки зрения – единообразия законов, управляющих исторической эволюцией, с политической ли точки зрения – борьбы самобытности и заимствования, традиции и новаторства, с философско-

исторической ли – борьбы теорий прогресса круговорота, расцвета или упадка, замкнутого в себе национализма и мировой миссии, – все равно, проблема положения России среди других народов постоянно возвращается и настоятельно требует решения»².

В Лекциях о России и Европе В.О. Ключевский писал, что заимствования европейских достижений в России сопровождаются чередой сомнений относительно последствий перехода к европейскому образу жизни. Россия XVIII в. изображается им как большая сложная машина, движение которой уже непонятно человеческому взгляду и требует аналитического подхода, знания социальной механики. Ключевский считал, что ориентация на Европу – это судьба, а не предмет свободного выбора. Вместе с тем он допускал возможность «повернуться к ней спиной», после того как будут восприняты цивилизационные достижения.

Попытки привнести европейские обычаи начались во времена Алексея Михайловича и привели к расколу. При Софье наметилась реакция в виде возврата к старому. Как заслон европейской науке и образованию была учреждена Славяно-греко-латинская академия. Позже Петр I снова открыл окно в Европу и по ее образцу образовал в России промышленные предприятия, усилил армию, построил флот, создал новую систему управления. Петр, по мнению Ключевского, совсем не хотел сделать Россию Европой: он как то сказал, что лет через пятьдесят Россия может направиться своим путем. Но европейская цивилизация проникла внутрь, и церковный раскол сменился расколом социальным. Верхушка «оевропеилась», а народ жил своей, как говорил Ключевский, «туземной» жизнью. Если раньше боярин и крестьянин понимали мир в целом одинаково, то теперь образовались двойные стандарты. Сложившийся на основе европейской культуры класс вел себя довольно странно и временами устраивал восстания против европейских обычаев, впадал в патриотизм. Получается, что славянофильство – это реакция на западное влияние. Оно не естественно, а реактивно. Отмечая «меланхолическое настроение нашей мысли»³, Ключевский видел своеобразие этих восстаний в том, что они имели сугубо интеллектуальный характер и не сопровождались отказом от европейских учреждений. Таким образом, речь шла о поиске правильного заимствования.

Для достижения национальных целей России требовалась помощь Европы, и поэтому патриот должен был быть западником. Но западное влияние разрушало патриотизм, приводило к презрению относительно своего. И наоборот, те, кто болел за отечество, ненавидели европейское. Хотя Европа для нас не предмет выбора, а необходимость, Ключевский советовал продумать, как использовать ее достижения: строить заводы или опровергать существование Бога⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 1991. С. 509.

² Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. – М., 1993. С. 63.

³ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. – М., 1983. С. 17.

⁴ Там же. С. 19.